

Е. В. Аничков

**Весенняя обрядовая песня на
западе и у славян**

Часть 1

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 304
ББК 60.5

Е. В. Аничков

Весенняя обрядовая песня на западе и у славян: Часть 1 / Е. В. Аничков – М.: Книга по Требованию, 2011. – 422 с.

ISBN 978-5-4241-5596-3

ISBN 978-5-4241-5596-3

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изученіе древнѣйшихъ историко-литературныхъ явленій въ тѣсной связи съ явленіями народнаго быта и обряда подъ вліяніемъ, многочисленныхъ ученыхъ трудовъ и лекцій Александра Николаевича Веселовскаго въ средѣ русскихъ нео-филологовъ всегда казалось обязательнымъ и необходимымъ. Поэтому, когда, рецензируя книгу пр. Жанруа о происхожденіи средне-вѣковой лирической поэзіи, Г. Парисъ высказалъ мнѣніе, что въ основѣ искусственной средне-вѣковой поэзіи лежитъ весенняя обрядовая пѣсня, намъ русскимъ нео-филологамъ подобная точка зрѣнія показалась особенно близкой и интересной. Это вскользь брошенное мнѣніе Г. Париса я и постарался разработать болѣе подробно. Вполнѣ естественное для русскаго знаніе славяно-русской весенней обрядовой пѣсни помогло мнѣ поставить этотъ вопросъ нѣсколько шире.

Почти одновременно съ установленіемъ этого важнаго значенія весенней обрядовой пѣсни для историко-литературныхъ разысканій на весеннюю обрядность обратили особое вниманіе еще и миеологи и историки религій. Она стоитъ въ самомъ центрѣ миеологическихъ построеній обоихъ крупныхъ послѣдователей Маннгардта, Фрезера и Рошера. Этотъ интересъ въ ученой литературѣ къ весенней обрядности естественно поддерживалъ во мнѣ желаніе проникнуть въ самую глубь на-

роднаго обрядоваго сознанія и отдать себѣ и въ свою очередь отчетъ о томъ, какое мѣсто занимаетъ народная обрядность вообще и весенняя въ частности въ общей системѣ эволюціи религіознаго сознанія.

По мѣрѣ того какъ для настоящей работы собирались факты интересъ такимъ образомъ раздваивался и факты классифицировались по двумъ направленьямъ. Передо мной одновременно возникло двѣ задачи: во 1-ыхъ, къ какимъ выводамъ можетъ привести изученіе народной весенней обрядности историка религій и во 2-ыхъ, что даетъ связанная съ весенней обрядностью пѣсня для исторіи литературы и вообще для науки о прекрасномъ? При такой двойственности интересовъ работа моя естественно затянулась. Если-бы не помощь цѣлаго ряда ученыхъ, не отказывавшихъ мнѣ въ совѣтахъ и указаніяхъ, можетъ быть, многихъ трудностей и вовсе не удалось бы преодолѣть. Я считаю для себя поэтому пріятнымъ долгомъ высказать признательность прежде всего Гастону Парису, члену Французской Академіи, профессору Максиму Максимовичу Ковалевскому и покойному Марилье, бывшему редактору *Revue de l'histoire des religions*. Мнѣ необходимо также поблагодарить профессоровъ Университета св. Владиміра И. В. Лучицкаго, Т. Д. Флоринскаго, Н. П. Дашкевича и Р. И. Сонни, помогавшихъ мнѣ въ моихъ разнообразныхъ библіографическихъ поискахъ, и указаніями, и предоставленіемъ мнѣ своихъ частныхъ библіотекъ. Одновременно я приношу благодарность академикамъ А. Н. Веселовскому и В. И. Ламанскому, при содѣйствіи которыхъ настоящая работа вышла въ свѣтъ.

Двойственность тѣхъ задачъ, которыя поставила себѣ настоящая работа, разрѣшилась однако ихъ объединеніемъ. Изученіе весенней обрядовой пѣсни на всемъ протяженіи европейскаго фольклора дало мнѣ въ концѣ концовъ право формулировать нѣсколько гипотезъ о происхожденіи поэзіи, а отсюда и о выдѣленіи эстетическаго сознанія. Въ основѣ своей это послѣднее показалось мнѣ тѣсно связаннымъ съ сознаніемъ религіознымъ.

Синкретическая первобытная пѣсня-пляска, составляющая неотъемлимую принадлежность обряда, оказалась на полъ-пути между зачаточной формой религіознаго сознанія и первымъ проблескомъ сознанія эстетическаго. Оттого и настоящее изслѣдованіе распалось на двѣ части. Первую часть я называлъ *отъ обряда къ пѣснѣ*, а вторую *отъ пѣсни къ поэзіи*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Библиографія и сокращенія. стр. XV—XXIX.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Введеніе стр. 1—86.

I. Народная пѣсня на германо-романскомъ Западѣ и на славяно-русскомъ Востокѣ. Фольклористическая литература на Западѣ и у славянъ, 3—7. Историко литературное значеніе изученія народныхъ пѣсень на Западѣ, 7—9. Пѣсни XV, XVI и XVII вв. и средневѣковая лирика, 9—16. Происхожденіе поэзій трубадуровъ, труверовъ и миннезингеровъ, 17—19. Западно-европейская обрядовая пѣсня въ средніе вѣка, 19—22. Историко-литературное значеніе обрядовыхъ пѣсень востока Европы, 23. Пѣсенный символизмъ и пѣсенные сюжеты, 24—26.

II. Объ изученіи народной обрядности. Что такое народные обряды? 27—28. Теорія Гримма, Шварца и Куна, 29—32. Значеніе Маннгардта для изученія обрядового обихода европейскаго крестьянства, 33—37. Отношеніе современнаго обряда къ древнему язычеству, 37—40. Олицетвореніе праздниковъ въ народной обрядности, 41—42.

III. Весенняя обрядность и народный календарь. Дѣленіе народнаго календаря согласно теоріямъ Гримма, Шварца и Аванасьева, 43—47. Четыре цикла народныхъ праздниковъ, 48—51. Какіе праздники считать весенними? 52—56. О приуроченіи народныхъ обрядовъ къ христіанскимъ праздникамъ, 56—59. Психологія весенней обрядности, 59—61.

IV. Весенняя обрядность и натуральное хозяйство. Хозяйственное значеніе народнаго календаря, 61—64. Весенній надежды и заботы европейскаго крестьянства въ его пословицахъ, 64—72. Красота весенняго пейзажа и эстетическое сознаніе перво-

бытнаго челоуѣка, 73—77. Общая характеристика весенняго настроенія, 77—79. Сравнительный методъ въ фольклористическихъ изслѣдованіяхъ, 80—81. Весенніе праздники у китайцевъ и у семитовъ и праздники начала дождливаго времени года у современныхъ дикарей, 81—85. Рыбачья обрядовая пѣсня-пляска изъ Новой Гвиней, 85—86.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Встрѣча и чествованіе весны стр. 87—257.

I. Общее весеннее заклинаніе. «Закликать» или «гукать» весну, 88—92. Обрядъ «вясноўки», 92. Весеннія птицы въ пѣснѣ и обрядѣ, 93—95. Сербскія «на ранило», 96—99. Схожіе обряды у болгаръ, поляковъ и чеховъ, 99—100. Чешское «chodit na Kirání» и польскій «Kulig», 101. Отрывочныя извѣстія о соблюденіи подобныхъ же обрядовъ въ Германіи, Швеціи, Италиі (chiamar l'erba) и Англии (Cuckoo Song), 102—103. Пѣсенное олицетвореніе весны и весенняго моленія, 104—106. Вотскіе праздники, чуждоръ и бузшуръ шумонъ латонъ озкъ Мордвы, агга-паремъ Черемисовъ и рамонъ-бонъ Осетинъ, 107—108. Общее весеннее жертвоприношеніе въ древнихъ Афинахъ и римское празднество въ честь Dea Dia, 109. Богиня весны г. Фаминцина и пѣсни о дочкѣ весны, о Купалочкѣ, Маряночкѣ и проч., 110—117. *Культъ или обрядъ?* 117—119. *Заклинаніе и молитва*, 119—120.

II. Внесеніе весенняго дерева и цвѣточный праздникъ. Два цикла весеннихъ праздниковъ, 120—122. Средневѣковая форма внесенія «Мая», 123—126. Майское дерево во Франціи и въ Италиі, 126—129. Англійскіе «to go a-maying» и «may-poles», нѣмецкіе «Grünes holen», «Maibaum» или «Maistange» и схожіе обряды у Шведовъ и Датчанъ, 129—138. Различныя значенія слова «Mai», 138—139. Майское дерево у чеховъ, у поляковъ и въ Россіи, 140—142. Русскіе Троицкіе и Духоводскіе обряды, 143—147. Сербское «за бьячки», греческія Русалии и обряды весенняго убранства на Западѣ, 147—154. Священная вѣтка въ обрядахъ Гиндукуша и бенгальскихъ Ораоновъ, «манычъ чеканъ» Абазинъ и «Остяті кувдъ» Осетинъ, 154—157. Культъ дерева у Европейскихъ народовъ, 158—163. Разобранный обрядъ = *внесеніе священной отъи*, 163—165. Цвѣточный праздникъ въ современномъ фольклорѣ, римскія Флоралии и «dies Rosae» = *заклинаніе цвѣта лѣбныхъ растеній*, 166—168.

III. Весенняя поздравительная пѣсня на Западѣ. «Trimousettes», 168—172. «La reine de mai», «la mariée», «зрота di Mag», «шаю е шаю», 172—174. Пѣсенное привѣтствіе съ «маемъ» въ рукахъ у романскихъ народовъ, 175—177. Схожіи обряды въ ранній циклъ весеннихъ праздниковъ въ Италиі и Франціи, 178—179. Датскій «Maigraf» и англійскіе «Mayer's songs», 179—181. «Lord and lady of Mai», 181—182. Тѣ же обряды въ Германіи на

Laetare, 182—185. Другой типъ схожихъ пѣсень, 185—187. «Maibräut, Pfingst-brud», 187—188. Новая разновидность весенняго привѣтствія: «Pfungtli» и «Maierbalein», 189—191. «Wasservogel» и весеннее заклинаніе дождя, 192—194.

IV. Весенняя поздравительная пѣсня у Западныхъ Славянъ. Чешскіе поздравительные обходы, 194—195. Сербскія и Болгарскія «Лазарице», 196—200. Сербскія «Кралице», 200—202. Тотъ же обрядъ и схожія пѣсни у словенцовъ, чеховъ, моравовъ и поляковъ, 202—203. Отраженіе западно-европейской формы обряда у лужицкихъ сербовъ, чеховъ и поляковъ, 204—205. Румынскій «Лазарь», 205—207. «Зеленый Юрій», южно-русская «Тополя» или «Кусть» и сибирская «Гостейка», 207—210. Заклинаніе дождя въ весенней обрядности славяно-русскаго Востока: «ро дупгисіе» поляковъ, обливаніе водой «гостейки» и «Зеленаго Юрья», сербская «Доцола», болгарская «Пеперуга», сербо-хорватская «Рргогоба» и румынская «Рărălugă» или «Салианъ», 211—214. Переходъ этого же обряда на лѣто, 215—217. Замѣна свѣжихъ вѣтокъ и цвѣтовъ въ весеннемъ привѣтствіи фигурой весенней птицы: древнегреческая «Пѣсня о Ласточкѣ» и ея современные перепѣвы, 217—220. Польскій «Kogutek» и бѣло-русская «Ластоўка», 221—222.

V. Бѣлорусскія волочобныя пѣсни и объясненіе обряда весенняго пѣсеннаго привѣтствія. Общая характеристика пѣсень волочобниковъ, 222—224. *Первый эпизодъ* пѣсни: шествіе къ богатому дому, 224—225. *Второй эпизодъ*: вызовъ хозяина, 225—227. *Третій эпизодъ*: посещение двора хозяина святыми «праздничками» и мотивъ цѣра, 227—231. Основной смыслъ этого послѣдняго мотива, 232. *Четвертый эпизодъ*: образное перечисленіе святыхъ «праздничковъ», 233—235. *Послѣдній эпизодъ*: благодѣтельная работа святыхъ въ полѣ, приводящая къ изобилію, 236—238. Болѣе полный вариантъ волочобной пѣсни изъ «Виленскаго Вѣстника», 238—239. *Напѣваніе удачи въ сѣльскомъ хозяйствѣ — основная тема весенняго привѣтствія*, 240—243. Весенняя поздравительная пѣсня, какъ *отдѣльный эпизодъ внесенія священной вѣтки*, 243—244. Ея связь съ заклинаніемъ дождя и различныя формы этого обрядоваго дѣйствія, 245—246. *Внесеніе въ домъ счастья — довольства* и религиозное значеніе домашнего очага, 246—251. Непримѣнимость къ весенней обрядности ростительной мифологіи Маннгардта, 252. Весеннее привѣтствіе = *заклинаніе весеннихъ хозяйственныхъ выходовъ*, 253. Сходство весенней обрядности съ зимней, 253—257.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Хозяйственно-религіозный весенній ритуаль. . . стр. 258—392.

I. Общее весеннее очищеніе. Основной гигиенический смыслъ очищенія, 259—260. Раннее и позднее весеннее очищеніе, 261—262. Очищеніе водой: омовеніе «омахомъ», «lustratio ad flumen»,

майское куна́ние и «Brunnen-Bier», 262 — 265. Очищение огнемъ, 265—266. Очистительные обходы, 267—268. Качели, 268—269. Изгнание нечисти: изгнание шайтана у нашихъ инородцевъ, «гръметь съ пушки», «Schwellenvogel», сербскій Іереминъ день и изгнание коровой смерти, 269—274. Чешское, польское и восточно нѣмецкое *«вынесение смерти»*, какъ *очистительный обрядъ*, 275—278. Похороны Костромы и изгнание русалки, 279 — 280. «Вынесение смерти» въ системахъ Гримма, Маннгардта и Каллаша, 281—284. Древне-греческая Харила и римское сверженіе въ Тибръ Аргеевъ, 285. Пѣсня Арваловъ въ интерпретаціи Бирта, 286. Почему именно весною боялись заразы и очищались отъ «смерти»? 286—288. *Календарныя измѣненія*: Мамурій-Ветурий, «le bon homme Sylvestre», «Βεφαλα», «Maglo e Aprile», похороны Карнавала, Фашинга, Масляницы, «бабы Коризмы», похороны весны, 288—291. Споръ зимы и лѣта, 291—293. Эскимосская игра дѣтей зимы и дѣтей лѣта, какъ гаданіе, 294—295.

II. Весенній культъ предковъ. Навій день, Фоминъ воскресенье, Радуница и Задушница, 295—297. Поминаніе предковъ у Мордвы и *замаливаніе этихъ «хранителей интересовъ потомства» передъ началомъ сельскихъ работъ*, 298. Второе болѣе позднее поминаніе покойниковъ, 299 — 300. Русалья, «Ρουσαλία», «Rovaglia» и «Parentalia», 301—303. Наши русалки, 303—304. Скоморошій и поминальный характеръ нашихъ Русалий: *«ut omnia bene deflorescant»*, 305—306.

III. Весенняя обрядность и скотоводство. Празднество первого приплода: яйца весною, сербскій и болгарскій Курбанъ, 307 — 310. Жертва Пергрубію на Юрьевъ день и русская пѣсня-молитва, 310—311. «Was ist Ushing?» 312—314. «Въ ночное» у латышей и Усиль, *Авсень* = *«св. Георгій Свѣтлохрабрый»*, 315 — 316. Жертвы св. Георгію на Кавказѣ и въ Малой Азіи, 317—318. *Жертвоприношеніе и пиришество первымъ приплодомъ*, 318 — 319. «На Юрьеву росу», Неппій и праздникъ пастуховъ, 319—322. *Очищеніе стада* обходомъ и пропускомъ черезъ тунель или между кострами, 322—326. *Ударъ отткой* = *очищеніе*, 327—328. Его типично пастушеское значеніе, 328—330.

IV. Весенняя обрядность и хлѣбопашество. Праздникъ первой борозды, «Plough Monday» и праздникъ плуга, 330—333. «Blind day», 333. Жертвенные обряды при запахкѣ и засѣвѣ, 334—337. *Съвецъ*—*носитель своего бланоплучія*, 337—338. Заклинаніе дождя при посѣвѣ, 339. «Кострубонько», «Зафиръ» новогрековъ, засыпающій женихъ, «Калалянъ» и Адонисъ, 340—344. «Ο Αδωνις ὁ πῆτος σπειρόμενος», 345. *Адоніи*—*заклинаніе съмени, сады Адониса*—*растила*, 346—347. Очищеніе поля весною, 348—349. Обходы полей, «Крестоноше», «Flurumritt», «Molkentönerschen breppen», 350—353. Царинныя пѣсни Карпатскихъ Лемковъ, схожія пѣсни Сербовъ, Ambarvalia, «segetes lustrantur» Menologii rustici, «agrum lustrare» Катона, 354—358. Фаллическая процессія въ «Ахарьян-

кахъ» Аристофана, 358. Христіанское соблюденіе языческихъ Робигалій, 358—359. «Колосокъ идетъ», 359—360.

V. Отъ обряда къ пѣснѣ. Аналитическій методъ всего болѣе подходилъ къ задачамъ настоящаго изслѣдованія, 361—362. Разобранные до сихъ поръ обряды, какъ *заклинанія* и *очищенія*, и теорія Фрезера о первобытной магіи, 362—364. Детерминизмъ и сверхъестественный порядокъ явленій въ міросозерцаніи современнаго образованнаго человѣка и дикаря, 365. Что называютъ дикаря «открывать врата разстоянія»? 365—366. *Эцентрической взглядъ на природу первобытнаго человѣка*, 367—368. Метафизическій смыслъ первобытнаго врачеванія, 369—370. Психологія заклинанія, 370—374. Его отношеніе къ религіи, 375—376. «*Нѣтъ религіи, нѣтъ бога безъ желанія*», 377. Почему намъ было важно изучить такъ подробно весенніе обряды? 378—379. Отъ обряда къ пѣснѣ: *обрядовая тѣсня-заклинаніе есть самостоятельно возникшій и первоначальный видъ народной поэзіи*, 380—383. Шиллеровская и Спенсеровская теорія искусства-игры и предложенная мною гипотеза о происхожденіи поэзіи, 383—386. Теорія Бюхера, что «энергическія ритмическія тѣлесныя движенія привели къ возникновенію поэзіи» и *первобытная тѣсня-пляска, какъ способъ возбужденія мускульной и мозговой энергіи*, 386—390. *Въ религіи и въ искусствѣ осуществляется сознаніе*, 390—391. Отъ пѣсни къ поэзіи, 391—392.
